

А. С. ДЕМИН

Наблюдения над пейзажем в Житии протопопа Аввакума

Сибирские пейзажи¹ Аввакума неизменно привлекают внимание со времени открытия Жития. О них писали почти все исследователи этого произведения, какова бы ни была их главная тема. Природа у Аввакума, несомненно, заслуживает пристального рассмотрения. Однако еще рано говорить о всестороннем исследовании пейзажей даже одного древнерусского писателя. Задача оказывается очень широкой: и потому, что изображение природы тесно связано с изображением интерьера, города и вообще мира, окружающего человека; и потому, что возникают вопросы специфические, не характерные для проблемы изображения только человека. Специфическим вопросом изучения является, например, изображение пространства и перспективы. В искусствоведении этот вопрос изучен больше, чем в литературоведении.² В литературоведении же он, пожалуй, даже не поставлен. Ясно, что необходимы наблюдения пока над какими-то отдельными сторонами пейзажей Аввакума. В данной статье мы скажем об одной из них — о том, как Аввакуму удастся создать впечатление громадного пространства, хотя он описывает только часть берега Ангары и Байкала.

Как ни странно, но, когда «огнепальный» протопоп начинает описывать природу, его рассказ превращается в перечень. Так о природе он пишет всю жизнь, — не только в Житии, но и в других сочинениях, написанных и до, и после Жития.³ Своеобразие Аввакума, как известно, многим обязано стилю деловой письменности. И на этот раз он, несомненно, использует выразительные возможности предметных перечней. Перечни как литературное средство — интересная тема специального исследования. Главным образом благодаря им аввакумовские пейзажи, интерьер, описание обстановки в определенной степени становятся объемными.

Нетрудно заметить, что природу Аввакум описывает строго по частям ландшафта («ландшафт» в широком смысле слова). По частям ландшафта группируются перечни. Не перемешиваясь, отдельно перечисляются разные звери, отдельно растения, отдельно птицы, отдельно рыбы, отдельно виды скал и т. д. Природа у Аввакума расчленена так, что, казалось бы, цельная ее картина невозможна. Однако перечни — особый способ опи-

¹ Под пейзажем мы понимаем изображение какой-либо местности, имеющее относительно самостоятельную эстетическую ценность.

² Из новейших работ см., например: Л. Ф. Жегин, Некоторые пространственные формы в древнерусской живописи. — В кн.: Древнерусское искусство. XVII в. М., 1964, стр. 175—214.

³ Наиболее крупные описания природы в сочинениях Аввакума см. в кн.: Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1 (РИБ, т. 39, Л., 1927, табл. 22, 42, 46, 232—233 (Житие), 286 (Книга бесед), 524 (Книга толкований), 593 (Книга облачений), 666—667 (О сотворении мира)) (далее: Памятники...); Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960, стр. 266, 268, 271—272 (Послание Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне).

сания. В них больше подразумевается, чем вводится в изложение. Когда Аввакум пишет, например, что на горах у Ангары «гуляют звери многие дикие: козы и олени, и [и]зубри, и лоси, и кабаны, вольки, бараны дикие, — во очию нашу; а взять нельзя»,⁴ то прежде всего подразумевается одновременность существования всех зверей в одном месте. За каждым элементом перечня — в данном случае за каждым зверем — предполагается какой-то «минимум» пространства, довольно большой, так как Аввакум описывает не Ноев ковчег, переполненный животными, а мир, свободно ими населенный. Части ландшафта состояются из пространственных единиц. Чем больше перечень, тем шире кажется пространство.⁵

Пространственный эффект перечней замечается в Житии и в описаниях интерьера, если даже говорится о совершенно темной «полатке», вкопанной в землю, куда бросили Аввакума. Достаточно Аввакуму сказать, что никто к нему не приходил, «только мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно»,⁶ и уже можно представить пол и стены темницы и узника в ней.

Природу Аввакум представляет обозреваемой как бы с вершины некоего конуса. Объем подобного конуса может увеличиваться почти до бесконечности, и в этом одна из особенностей Аввакума. Ощущение высоты конуса создается наложением в описании ландшафтных групп разного пространственного уровня — от рыб в озере и комаров над болотом до птиц, парящих над горами. В самой вершине конуса находится, разумеется, бог. Недаром все пейзажи Аввакума заканчиваются напоминаниями о боге, «призирающем» сверху на мир.⁷ Основание конуса, т. е. поверхность обозреваемого мира, расширяется тоже почти беспредельно, так как Аввакум постоянно напоминает, что представленная картина является только частью тех 20 тысяч верст, которые он «волочился», лишь частью земли вообще, только частью всей «бездны» мира. Каждое описание природы служит поводом к генерализации и заключается выводом — всегда с обобщающим словом «все» — о всей природе в целом: «А все то у Христа-тово-света наделано для человеков...», «Вся бо та увиди и настрой благий божия нас ради человек...» и т. п. Аввакум словно ясно видит перед собой ту или иную местность, но «боковым зрением» охватывает всю природу.⁸

Впечатление громадности пространства поддерживается еще тем, что в сибирские пейзажи Аввакума вписан человек. Фигурка его кажется очень маленькой. Окружающие его детали ландшафта, даже самые мелкие, предстают увеличенными: луковицы растений необычно большие, рыбы невиданно крупные, лед чрезвычайно толстый и т. д. Человек ставится рядом с колоссальным каменным утесом или великой горой льда. Он находится как бы в середине громадного пространства, иногда под сияющим звездами небом, и сравнивается с червем, с угасающей искрой... В сибирских пейзажах два Аввакума: один — крупным планом, рядом

⁴ Памятники..., стлб. 22.

⁵ Нельзя ли провести параллель между пространственной функцией системы перечней в литературе и ролью системы планов, кулис в изобразительном искусстве XVI—XVII вв.?

⁶ Памятники..., стлб. 16.

⁷ Ср. изображение бога и ангелов в верхнем углу икон и миниатюр, особенно распространявшееся в XVII в.

⁸ Памятники..., стлб. 42; Житие протопопа Аввакума, стр. 272. Ср. «установку на всеохват» в изображении природы на фресках и иконах XVII в., когда художник «хочет показать сразу все». — См.: Б. В. Михайловский, Б. И. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV до начала XVIII в. М.—Л., 1941, стр. 120.

с пейзажем; другой, миниатюрный, в самом пейзаже, затерянный в дебрях непроходимых.⁹

Однако благодаря второму, «маленькому» Аввакуму в описания природы вносятся разрозненные элементы перспективы. Он показан всматривающимся в те или иные детали. Небольшое сравнение — и деталь подмечена в перспективном удалении, когда подробности красок и форм сливаются: «утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову», «птиц зело много, гусей и лебедей, — по морю, яко снег, плавают».¹⁰ Животные группируются в перечнях Аввакума не столько по степени промысловой ценности или распространенности, сколько по приблизительному сходству издали: гуси с утками, вороны с галками, пеликаны с лебедями, осетры с тайменями и стерлядями, а омули с сигами, козы с оленями, изюбрями и лосями, кабаны с волками и баранами и пр. Видение мира в перспективе оказывает влияние на композицию рассказа.

Особенно заметно такое влияние, когда части ландшафтов Аввакум перечисляет в той последовательности, в какой он мог их видеть. Рассказывая об ангарской природе, Аввакум сначала описывает горы, прежде всего бросающиеся в глаза человеку, высаженному на берег. Затем перечисляются животные в том порядке, в каком могут быть замечены «бредущим» человеком: змеи, потом пролетающие птицы и в конце рассказа звери, не заметные сразу, прячущиеся в лесу.

В байкальском пейзаже описание делает «петлю» вместе с путешественником, который с берега Байкала поднялся на гору и, обзрев окрестности, вернулся к озеру, к виденной издали снежной пелене птиц. При этом то, что Аввакум видел на горах, тоже перечисляется именно в том порядке, в каком можно рассмотреть причудливые каменные россыпи, постепенно приближаясь к ним и входя через «врата» во «двор»: каменные «полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы», и травы во «дворах»...¹¹

Элементы перспективы и косвенного ее отражения встречаются только в сибирских пейзажах Аввакума, очевидцем которых он был. Из «библейских» пейзажей лишь в изображении Вавилона, явной параллели Боровска («но бог дал дома Вавилон, в Боровске пещь халдейская»¹²), можно отметить отражение точки зрения приближающегося наблюдателя. Видны сначала «верхи» теремов и палат, затем городские стены и «преграды», потом мощные пути, затем наблюдатель видит сады и зверей в садах и, наконец, вдыхает благоухание садовых цветов и трав.

Таким образом, в пейзажах Аввакума выражаются два принципа изображения пространства. Главенствует принцип «божественного» конуса, расширяющегося откуда-то с небес на землю. В этом проявляется религиозное мировоззрение Аввакума. Но одновременно в Житии формируется выражение другого конуса, «земного», — конуса реальной перспективы от «взирающего» человека. Аввакум, очевидно, не стремился изображать пространство по какому-либо одному принципу. Для него был важен конечный результат — передать впечатление громадности, необъятности сибирской природы. В предлагаемой статье мы старались показать, как это ему удалось.

Однако громадность пространства у Аввакума не самоцель, а важная сторона, но все-таки одна из сторон изображения природы величественной. Природа у Аввакума величественна своей независимостью от человека и противоречивостью сторон. Разбор этого — особая тема. Ограни-

⁹ Ср. подобное явление на одноличных иконах святых XVII в.

¹⁰ Памятники... , табл. 22, 42.

¹¹ Там же, табл. 42.

¹² Там же, табл. 286.

чимся лишь одним примером. Особенность сибирских пейзажей заключается в том, что они не однотонны, природа в них не только «хорошая» или «плохая». Человек может быть обласкан ее обилием и «домашностью» и одновременно утрачен ее суровостью. Иногда одна и та же деталь в Житии объединяет оба впечатления. Так, каменные россыпи на байкальских горах Аввакум описывает понятиями древнерусского жилища или усадьбы («полатки», «врата», «дворы» и пр.). Упоминания о луке и чесноке, растущем там, как бы напоминают об огороде. Но следующая деталь, казалось бы усиливающая приветливую «домашность» природы, — «травы красныя, и цветные, и благовоныя гораздо», которыми заросли «дворы» — нарушает иллюзию. Дворы, заросшие травой, — символ безлюдья и пустынности — сразу напоминают о том, где Аввакум находится. Сложна по смыслу и следующая деталь — сравнение птиц, плавающих по озеру, со снегом: оно напоминает о белоснежном домашнем выводке на пруду и одновременно о безлюдной заснеженной равнине.

Еще, вероятно, нельзя четко определить место аввакумовских пейзажей в русской литературе и искусстве XVI—XVII вв. Необходимы общая классификация того, как изображали природу в Древней Руси, и обширные источниковедческие разыскания по этой теме. Поэтому наблюдения, излагаемые ниже, в заключение нашей заметки, имеют предварительный характер. Они лишь вводят в новое исследование, без которого невозможна верная оценка Аввакума-пейзажиста.

В русской литературе XVI—XVII вв. можно выделить две темы изображений природы. Одна тема, так сказать, фенологическая, с центром внимания на изображении времен года, времени суток и погоды,¹³ причем преимущественно в местах обжитых (например, изображения весны в Повести Катырева-Ростовского и Есиповской летописи, изображения лета, дня и вечера в стихотворениях Симеона Полоцкого и пр.). Другая тема — ландшафтная, в которую включаются описания рая и земли, только что сотворенной богом; земель неведомых, населенных неизвестными народами; земель диких, пустынь и вообще безлюдных «дебрей». Конечно, между обеими темами много точек соприкосновения (см., например, описания бурь и гроз над «дебрями» в житиях или сценку осенней ночи в «дебри» из Повести о начале Москвы). Пейзажи Аввакума, несомненно, посвящены второй теме.

На эту тему, как, впрочем, и на первую, существует много нелитературных описаний природы, в которых пространство только декларируется, но не изображается. И очень немного описаний, где чувствуется пространство и живые черты природы. Они встречаются довольно часто в житиях и хождениях XVII в., но их еще требуется собрать, особенно по множеству неизданных северных житий XVII в. Предварительные наблюдения показывают, что описания природы в этих жанрах, пожалуй, несравнимы с мощной аввакумовской природой. «Пустыни» и «дебри», страшные и не страшные, описываемые в житиях и хождениях, в общем как-то камерны и опрятны по сравнению с аввакумовскими.¹⁴

¹³ Известна, например, работа о ряде пейзажей этой темы: А. Б. Никольская. К вопросу о пейзаже в древнерусской литературе. (Несколько описаний весны). — В кн.: Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 433—439.

¹⁴ Ср., например, изображения небольших «пустынь» в лицевых житиях, иконописных подлинниках и пр.: Иоанн Предтеча перед густой зеленой чащей с белым зайчиком, притаившимся у стволов (Сийское евангелие. БАН, собр. Археографической комиссии, № 339, л. 76 об. См. также лл. 199, 799, 800); Варлаам в пустыне, напоминающей светлую поляну (В. Успенский, С. Писарев. Лицевое житие преп. Иоасафа, царевича Индийского. СПб., 1908, стр. 22); преп. Зосима в не очень широкой пустыне (Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. 2.

В результате можно указать лишь на несколько произведений XVI—XVII вв., где описания природы по производимому впечатлению отчасти приближаются к аввакумовским. В их составе при этом важную роль играют перечни. Это описание природы, окружающей усадьбу, в 12-м наказании митрополита Даниила,¹⁵ описание пустыни в Повести о царевиче Дмитрие С. И. Шаховского,¹⁶ описание Сибирской земли в Строгановской летописи¹⁷ и описание природы вокруг некоей усадьбы в сатирическом Сказании о роскошном житии и веселии.¹⁸ При всем различии пейзажей (кроме описаний Даниила и Шаховского, остальные более плоскостны) у них есть общая черта. Природа описывается для того, чтобы показать, что существует мир, где социальную жизнь людей можно построить заново, лучше прежней. Поучение Даниила зовет человека «прохлажаться» от суеты и разврата, повесть Шаховского — «избежать от печали» и «мятежей» Смуты, Житие Аввакума — «упокоиться» от никоиан, Строгановская летопись — заселить богатый край. Сказание же о роскошном житии и веселии посмеивается над этой мечтой: нет такой земли, где все готово для сытой и беззаботной жизни каждому, кто бы ни приехал. Таким образом, пейзажи Аввакума не стоят в литературе особняком. Наблюдения над отдельными, частными их элементами вводят в широкий круг стилистических проблем литературы и искусства.

СПб., 1896, стр. 103, 104); Лесные деревья, окружающие стены монастыря, за которыми стоит Сергей Радонежский, и играющие у стен животные с их замкнуто-круговым движением (М. Владимиров, Г. П. Георгиевский. Древнерусская миниатюра. Академия, 1933, № 79). Иногда в одном и том же сборнике характер «пустыни» может резко меняться. Оставаясь в общем небольшой, пустыня то сумрачно-таинственна, то светла и тиха, то с реалистической передачей разных видов деревьев — хвойных и лиственных, с характерным наклоном их верхушек и ветвей (Лицевой сборник житий. БАН, 34.3.27, лл. 41, 66, 95). В связи с «житийными» пустынями, может быть, не лишне упомянуть многочисленные гравюры, изображающие местности вокруг монастырей.

¹⁵ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, Приложения, стр. 25—26.

¹⁶ Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени (РИБ, т. 13, изд. 2, СПб., 1909, стлб. 839—842).

¹⁷ Сибирские летописи. СПб., 1907, стр. 59—60.

¹⁸ Русская демократическая сатира XVII в. Подготовка текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 39—42.

Стремление показать мир природы, громадный и беспредельный, можно, по-видимому, заметить и в некоторых памятниках русского искусства XVII в. Например, если в первую треть XVII в. пейзаж на иконах «Иоанн Предтеча в пустыне» производит впечатление «лирического отступления» (см.: А. Федоров-Давыдов. Из истории древнерусского искусства. — Искусство, 1940, № 5, стр. 92), то в последнюю четверть XVII в. за фигурой святого виден бесконечный лес из славянских «пейзажных» клейм, который обходить можно целую жизнь (см.: В. И. Антонова, Н. Е. Мневва. Каталог древнерусской живописи XI—начала XVIII в., т. 2. М., 1963, стр. 472—473, № 997; Древние иконы старообрядческого кафедрального прокоровского собора при Рогожском кладбище в Москве. М., 1956, стр. 117, № 46).

Величественный пейзаж не «паркового» характера встречается в скромных рисунках пером сборной житийной рукописи конца XVII—начала XVIII в. (БАН, собр. Плюшкина, № 103). Иллюстрировано только житие Кирилла Белозерского, причем все пять рисунков посвящены одному и тому же сюжету: явление богородицы Кириллу, которая указывает на громадящий лес. В нем, за горами и за озером, будет основан монастырь, который, впрочем, уже виден (лл. 174 об., 190, 192, 258, 259 об.). Наиболее удачен третий рисунок, где сплошные лесные купы, перерезаемые по диагоналям цепями овальных крутых гор и видимые как бы далеко сверху, все повторяются и повторяются до верхнего края листа. Создается впечатление громадного лесного массива с сильно повышенным горизонтом, словно нависшим над наблюдателем. Все рисунки вклеены в рукопись и написаны другими чернилами, нежели текст жития. Судя по характеру штриховки гор, куп деревьев и складок одежд, они, возможно, перерисованы с какой-то гравюры (у Д. Ровинского и А. А. Сидорова о такой гравюре не упоминается).